

Инесе Рунце

Идентичность Латгалии: теория, история и наше время

В современной социологии, когда речь идет об анализе и объяснении социальных, культурных и политических процессов в обществе и определяется путь, которым индивид выделяет свою уникальность, формирует социальные связи и коммуницирует с различными социальными группами, термин «идентичность» является одним из наиболее часто употребляемых. В свете нарастающих тенденций к глобализации, с одной стороны, и в связи с увеличением культурного разнообразия в современном обществе, происходящим наряду с сохранением прежних форм, – с другой, исследователь религий Питер Бейер высказался так: «...когда мир превращается в общее для нас всех “единственное место”, он образуется как пространство, в котором живут вещи, не принадлежащие друг другу» [Beyer 1994, 1]. Именно эти особенности современного мира вызвали научный и общественный интерес к исследованиям социальных идентичностей. Имея в виду особенности исторического развития Латвии в XX веке и насаждаемую тоталитаризмом однородность, можно сказать, что в Латвии исследования социальной идентичности находятся в известной мере

в стадии формирования, особенно та их часть, которая занимается изучением процессов, связанных с образованием и развитием региональной идентичности.

У термина «идентичность» в социальных науках есть несколько значений. Идентичность понимается и как одинаковость (количественное), и как самобытность (качественное). Идентичности делятся на индивидуальные (пол, раса, возраст и пр.) и на коллективные (региональная, этническая, национальная, европейская и пр.). Психолог Дж. Гловер утверждает, что не бывает целостного индивида. Индивидуальная идентичность – самоопределяющаяся, и этот процесс самоопределения происходит в конкретных социальных и исторических обстоятельствах. Индивидуальное различие людей не только унаследовано, но и создается в процессе жизни человека, оно коренится в коллективных идентичностях: пол, возраст, раса, этничность, социальное положение, религия, профессионализм, которые образуются на базе региональной и национальной истории групп [Smith, Wistrich 2007, 8]. Идентичность формирует и индивид, и общество в целом.

Коллективные идентичности сообща сотрудничают и взаимодействуют в зависимости от того, какой была модель этого процесса в опыте каждого общества и государства. Психолог Эрик Эриксон подчеркивает, что идентичность – это созданная цивилизацией терминология или средство познать себя. Представители школы социологии постмодернизма (например, Мануэль Кастельс) утверждают, что коллективные идентичности являются социально сконструированными и увеличивают разнообразие идентичностей как в глобальной перспективе (например, европейская космо- и космополитическая идентичность), так и на микроуровне: локальные (идентичность суйтов, швабов, кашубов и пр.) и региональные идентичности. В условиях глобализации исчезают границы и барьеры, меняются общества, обычаи и образ жизни, наконец, складывается глобальная экономика, требующая от людей особого рода отношений и ответственности. Мир, особенно западное общество, стал более доступным и открытым. Один из ярчайших интеллектуалов XX века, родившийся в Праге философ Эрнест Геллнер, анализируя современные (глобальные) мировые тенденции, подчеркнул, что их характеризуют три признака: анонимность, мобильность и атомизация (мир расколот на атомы) [Gellner 1997, 28]. Противоположностью глобальным мировым признакам, средством, которое порождает чувство принадлежности у человека как социального и коллективного существа, являются локальные и региональные идентичности. К тому же индивидуализация образа жизни в постмодернистском мире постепенно сдвигает общество ближе к интересу к коллективным идентичностям и к актуализации их принадлежности [Smith, Wistrich 2007, 9].

Идентичность – это ничто иное, как всего лишь принадлежность в ее объективном и субъективном разрезе [Там же, 10]. В современном мире понятие об объективном и субъективном непрерывно меняется. Объективно люди связаны с конкретной социальной группой во времени и пространстве и субъективно реагируют на это. Коллективные идентичности конструируются в момент, когда человек осознает, кем он является и к чему принадлежит, и таких конструкций может быть несколько. При определении того, кем мы являемся, естественно исключаются те, кто

не подходит под данные определения [Там же, 9]. Однако индивид, осознавая себя одновременно имеющим различные коллективные идентичности, может экспонировать эти разнообразные формы идентичности без какого-либо внутреннего конфликта. Региональная идентичность не является эксклюзивной, так как ей приходится соприкасаться с другими формами идентичности. Одна (доминирующая идентичность) наблюдается у индивидов во времена политических репрессий или при сложной внешнеполитической ситуации [Там же, 11].

Энтони Смит подчеркивает, что движущей силой современного общества являются различные идентичности, которые в свободном обществе могут стать символическими и опциональными [Там же, 10]. Вместе с тем в политических дискуссиях актуальным становится вопрос о национальной идентичности, который объединяет в одно целое индивидуальные и коллективные идентичности, определяет общую цель, и те, дополняя и взаимодействуя, качественно улучшают одна другую. Региональная идентичность может стать дополнительным элементом, помогающим понять национальную идентичность, она может складываться также как противоположность национальной идентичности, не позиционируя при этом себя как приоритетную по сравнению с другими ценностями и интересами.

Зачатки формирования регионализма в культурно-историческом опыте Европы следует искать в уже далеком времени существования родов и племен, когда обособленно проживали племена скотоводов и земледельцев. Затем, с возникновением и развитием первых цивилизаций, появились первые разделения: города-государства и сельская местность, центр – провинция. В Раннее Средневековье с образованием единой западноевропейской христианской цивилизации и с развитием процесса инкультурации этой цивилизации в локальные традиционные культуры, возникли первые европейские региональные формирования. В Новое время в Европе, когда начали образовываться первые современные государства, возросло число внутриевропейских войн и конфликтов (а именно – религиозных войн и войн между правителями и монархами), постоянно менялись границы территорий, выросло и количество ре-

*Вид Карсавы.
1930-е (из архива
библиотеки
Карсавы)*

гиональных пространственных идентичностей. Этот процесс сопровождал и возникновение великих империй: Российской, Австро-Венгерской, Германской и Османской.

В истории европейских государств всегда существовали различные культурные общности, которые, в основном, базировались в регионах. У этих групп может быть свой, отличающийся от государственного, язык и иная религия или конфессия, чем у представителей национального большинства, некоторые регионы обладали своей собственной, отличающейся от общей, историей, могли прежде быть суверенными или входить в состав иных государственных образований, что и служило основанием для инаковости, исчезавшей, впрочем, с распадом империй [Smith, Wistrich 2007, 8].

Империи, монархи и религиозные войны создали европейские регионы. В наши дни в Европе существуют такие регионы, как Уэльс, Фландрия, Силезия, Нарва, Каталония, Прованс, Нормандия, Бавария и другие регионы национальных государств. Каждый из вышеупомянутых регионов имеет свои культурные, этнические, экономические особенности, историю, которые необходимо изучать в каждом случае отдельно. Важен также вопрос о возникновении отношений между цент-

ром и периферией или национальным государством и регионом.

В основе создания региональной идентичности лежат два важных фактора: история; географическое пространство (например, горные или водные преграды, которые разделяют территории и, тем самым, обеспечивают некоторые предпосылки для возникновения самостоятельных, обособленных культур). Однако региональное пространство может быть отделено и в результате исторических событий, так как сама по себе топография не может создать устойчивую региональную идентичность, для этого необходимы и другие факторы.

Малочисленные идентичности (субэтносы, субкультуры и пр.) в социальных науках в основном исследуются в контексте более крупных (национальных идентичностей), их анализируют в различных срезах, создавая общую парадигму исследования: этнические, религиозные, политические, социальные идентичности.

Различающиеся по языку и культуре территории в Европе существовали задолго до образования национальных государств. Модель современного государства существует примерно пятьсот лет, а термин «нация» еще моложе – он появился в Европе после Французской революции, в конце XVIII века [Kaplan, Herb 1999, 3]. У европейской

модели регионализма довольно давний, накопленный на протяжении длительного времени, опыт, и в наши дни он образует европейскую культурную общность и общее политическое пространство.

В течение последних десяти-пятнадцати лет с ускорившимся развитием процессов глобализации, так же стремительно возрос интерес к региональным культурам и внутренней витальности самих регионов. Регионы или провинции являются частью национального государства, они не суверенны, так как суверенным может быть только национальное государство. Для региональной идентичности в национальном государстве характерно наличие определенной территории, на ней может существовать отличающийся язык или диалект общего языка, религия или конфессия, она может иметь уникальные социальные признаки или административную традицию.

Тенденции глобализации в современном мире актуализировали необходимость сохранения региональных и локальных различий, европейцы нередко подчеркивают тенденцию к сохранению самобытной культуры в противоположность всему американскому. Однако подход такого рода указывает на весьма поверхностное толкование проблемы, при котором забывается или игнорируется, что в США каждый штат является федеральной единицей, и у штатов есть собственные, вполне отчетливо выраженные региональные особенности: диалект, конфессиональные различия между жителями и т.п. (ср., например: Юта, Нью-Мексико и др.). Так же и общество Америки в целом, с самого начала своего формирования в XVI веке, складывалось как пространство сосуществования различных социальных идентичностей.

Американские социологи Венди Кац и Тимоти Махони подчеркивают, что региональная идентичность – это прежде всего чувство принадлежности и уверенности в людях, которые живут рядом в схожих обстоятельствах совсем неслучайно, но осознанно, в людях, чья культурная модель отличается от существующей у жителей других регионов или от модели национального государства. Эта идентичность по своей природе является субъективной и отражается в восприятии самих жителей (региональная идентичность), она может проявляться также среди выходцев из конкретного региона, живущих за его пределами. Вера в

существование общей идентичности создает принадлежность к территории и дает права защищать свое существование и определять элементы, объединяющие идентичность [Katz, Mahoney 2008, xi].

Регионализм в наши дни стал методом гуманитарных наук, благодаря которому возможен комплексный подход в истории, а также исследование разнообразия и противоречий между различными идентичностями [Там же 2008, xii]. Употребление термина «региональная идентичность» стало достаточно частотным и является манифестацией расцвета коллективного сознания. Термин «идентичность» стал ключевым в разного рода социальных исследованиях: при изучении этничности, национализма, регионализма, локальности, европейской интеграции, социальных движений и т.п. Важно отметить также и то, что росла не только популярность этого исследовательского направления, но и его критика.

Британский исследователь Феликс Уилфред подчеркивает: «Надо признать, что современный мир состоит из многих идентичностей» [Wilfred 2000, 31]. Различные идентичности и их сосуществование являются величайшей силой и вызовом современного мира. Разнообразие идентичностей – это и очевидный признак индивидуализированного общества, и символ коллективного самосознания. Идентичности не статичны и неизменяемы, они могут и исчезать, и трансформироваться.

Актуальным становится вопрос о том, какова роль территории в процессе образования идентичности? Финский исследователь Анси Пааси указывает, что каждой конкретной территории для того, чтобы стать составной частью идентификации людей, нужна совокупность сложных элементов. Взаимодействие совокупности элементов – как бы ключ к созданию региональной идентичности. Территория активно трансформирует все элементы, добавляя дополнительный смысл и создавая таким образом характерную идентичность (региональную идентичность), которую нельзя редуцировать только до уровня регионального сознания [Kaplan, Herb 1999, 2]. Вместе с тем территория становится необходимой составной частью идентификации для группы, на ней проживающей. Это соображение особенно важно при исследовании аспектов образования национальной идентичности [Там же 1999, 2].

Станция города Лудзы. Фотография Герца Франка, 1930-е (из архива библиотеки Лудзы)

Территория сливается с национальной идентичностью, и эти понятия невозможно отделить. Ни идентичность, ни сознание, ни сами территории не существуют изолированно [Kaplan, Herb 1999, 2].

Как уже было упомянуто, величайшим богатством Европы сейчас и в прошлые исторические периоды является разнообразие культур. Развитие Европы и социально-политические изменения на ее территории в течение последних пятидесяти лет были очень стремительными. Европейский союз (ЕС) из послевоенного объединения шести стран превратился в союз 27 государств, став примером добровольного совместного существования культур и наций. Европейская популяция стремительно приобретает разнообразие, объединяя не только 27 национальных идентичностей, но и различные этнические, религиозные и региональные группы. ЕС имеет серьезные и амбициозные перспективы стать стремительно развивающимся ведущим регионом мира.

В Европе можно выделить две разновидности регионализма (которые, в свою очередь, позволяют говорить о двух видах опыта регионализма):

1. культурные регионы (без признаков автономии): Силезия, Прованс, Нарва и пр.
2. федеральные регионы: Шотландия, Уэльс (Великобритания), Каталония, Страна Басков (Испания), Бавария (Германия) (политическая автономия, собственное управление, отличающийся язык или диалект).

Несмотря на то, что прошло два десятилетия с момента падения Берлинской стены, разрушения биполярного мира и коммунистического режима, в Западной и Восточной Европе существуют большие различия и практикуется разный подход в политическом отношении к проблеме регионализма. В современной Европе до сих пор ментально продолжает существовать историческое разделение – на Западную и Восточную. И это способствует сохранению известной преемственности старых схем и жизнеспособности стандартов времен холодной войны и два десятилетия спустя после их крушения, культивируя, таким образом, разделение на искусственно созданные в XX в. (в силу действия различных исторических событий и политических систем) регионы Европы.

В Западной Европе у демократической системы более глубокие традиции и крепкие корни, в течение десятилетий здесь сложился гармоничный баланс и диалог между властью и народом, между институтами, политикой и экономикой, центром и периферией. Новые национальные идентичности в так называемой старой Европе сложились сразу же после Второй мировой войны, в момент, когда европейцам было необходимо менять общество и политику для того, чтобы не допустить повторения разрушительной войны.

В Восточной Европе по окончании холодной войны, после крушения коммунистической системы было необходимо найти новую идентичность, и это оказалось достаточно долгим и болезненным процессом, так как национальное воспринималось как нечто, что необходимо охранять, за что нужно бороться не только с династическими и государственными властями, но и с равнодушным отношением собственных граждан, возникающим из-за недостаточного развития национального самосознания [Batt, Wolczuk 2002, 1].

В Центральной и Восточной Европе, где национальные идентичности складывались в тяжелых битвах, вопрос о границах являлся самым чувствительным, он был своего рода фактором нестабильности. Процессы демократизации и происходящие в конце 80-х – начале 90-х годов XX века изменения продемонстрировали, что ничто в ходе истории нельзя воспринимать как неизменное. Три наиболее крупных мультинациональных федеральных государства – СССР, Чехословакия

и Югославия – рухнули, в результате чего на политической карте Европы появилось несколько новых национальных европейских государств.

Всем новым государствам, получившим независимость, надо было бороться не только за внутреннюю целостность и неприкосновенность внешних границ, но и формировать новые соседские отношения, работать над интеграцией региональных и этнических общин в единую политическую структуру. В переходный период 90-х годов XX века эти государства и их общества сражались с призраками исторической памяти, и региональная политика, которая формировалась в тот момент, конструировалась на базе исторического опыта территориальных потерь и приобретений [Batt, Wolczuk 2002, 1].

Политическая власть конструировалась не горизонтально, а вертикально (сверху вниз, то есть с позиций субординации, а не политического диалога), что не решало вопрос о признании региональных общин и их культур и идентичности. Непродуманное реформирование привело к отторжению регионов, их экономической изоляции и ослаблению, а также к укреплению политических позиций этнического национализма. Этот путь в политическом отношении был тупиковым, в случае Югославии это закончилось войной, а в случае других новых восточноевропейских государств это привело к напряженным политическим дебатам и замедлению темпов трансформации общества.

Новым государствам Восточной Европы после падения коммунистического режима надо было также найти ответ на вопрос «Что делать с разнообразием?». Коммунистические режимы создавали и пропагандировали мифы о территориальной и национальной однородности. Отсюда понятно то чувство неожиданности и досады, которое возникало у властей и граждан, если где-то в их стране появлялись проблески региональной идентичности, предложения формировать новые отношения центра и периферии. Чувство досады и неожиданности переплетались со страхом того, что децентрализация может привести к территориальной дезинтеграции [Там же 2002, 205].

В культурно-историческом пространстве Латвии Латгалия под влиянием различных исторических событий сформировалась как отдельный регион, отличающийся в религиозном, культурном и

лингвистическом отношении. Изменения на политической и конфессиональной картах начались с распада Ливонии, после которого территория Латгалии была включена в состав Польско-Литовского государства. Новая власть принесла Латгалии новую форму политических, экономических и религиозных отношений, новую модель этнических отношений и отличающуюся от прежней ментальность, заложила основы формирования региона как уникальной территории. Как подчеркивает П.Зейле: «Регионализм Латгалии сформировался уже во времена правления Польши, и основы этому заложила религиозная и культурная деятельность духовных орденов, особенно иезуитов. Культурные образования, включая латгальскую литературу, были посвящены непосредственно латгальскому краю (так называемые Инфлянты) и региону, одновременно способствуя формированию в людях сознания регионализма» [Zeile 1996, 68].

Культурно-историческое пространство Латгалии сформировалось как уникальный пример религиозного, лингвистического и национального многообразия, при этом каждая группа сохраняла в нем собственную этническую и религиозную идентичности. Во времена Российской империи Латгалия переживала сложный исторический период, административно она являлась частью Витебской губернии, и это сдерживало экономическое развитие региона, увеличивая таким образом различие с остальной частью Латвии – Курляндской и Лифляндской губерниями. Особенно тяжелой для местного населения (латышей, поляков, евреев, русских староверов) была осуществляемая царским правительством России политика русификации, однако этот период в известном смысле «интегрировал» проживающие здесь народы и объединил регионально, сформировав общую местную территориальную принадлежность. Политическое, экономическое, религиозное давление властей сформировало своеобразный менталитет жителя Латгалии, не различавший народности и конфессии. Несмотря на эмпатию и открытость, были факторы, которые не позволили национальному и религиозному компоненту полностью нивелироваться, поскольку существовала противоположная тенденция – своеобразное и отличное подчеркивалось и тщательно оберегалось.

Территория Латгалии исторически была границей между католичеством и протестанством, между православием и староверием, она также входила в черту оседлости, установленную для иудеев. Этот регион стал для всей северной Европы примером мирного сосуществования культурных и религиозных идентичностей.

В годы независимости Латвии, с 1920-х годов и до начала 1930-х, вплоть до авторитарного переворота Карлиса Улманиса 15 мая 1934 года, в Латгалии шел интенсивный процесс формирования и развития собственной региональной идентичности. Признание государственной властью региональных институций: местной прессы, политических партий, а также признаваемое на политическом уровне религиозное, лингвистическое и этническое разнообразие Латгалии способствовало постепенному развитию региона и формированию особой региональной идентичности. Авторитарный режим Карлиса Улманиса, в идеологическом отношении пропагандировавший националистические ценности («латышская», «национальная» Латвия), создал стереотипы о сепаратизме Латгалии, которые до сих пор живы и в современной политике. Латвийское государство и общество понемногу унифицировались в соответствии с моделью авторитарного общества, а региональная идентичность была превращена в неформальную, которой, скорее всего, отводилась «музейная» ценность. Таким же образом после Второй мировой войны советская тоталитарная система расшатывала региональную идентичность Латгалии, ограничивая и редуцируя этот уникальный феномен: сводя эти различия до своеобразия на бытовом уровне и самобытности отдельных этнографических особенностей.

После распада советской системы опасения по поводу территориальной интеграции и страх перед разнообразием замедляли обсуждение вопросов о региональной идентичности, хотя уже во времена Атмоды существовал живой интерес к этой проблеме, а его жители принимали активное участие в политических, экономических и культурных процессах, происходящих в регионе. Однако после восстановления независимости Латвии в начале 90-х годов XX века в этом процессе произошел спад, важным фактором здесь стало также стремление политической элиты все уравни-

вать, к тому же в последнее десятилетие все эти процессы усилились из-за экономического кризиса.

Признание региональной идентичности, процесс обсуждения особого статуса латгальского языка, начавшиеся в Латгалии в течение последних семи-восьми лет, позволяют надеяться на позитивные перемены. Обнадёживает также и тот факт, что сама инициатива об образовании региональной идентичности исходит не «сверху», а «снизу» – от жителей Латгалии, поскольку жители – это носители и создатели данной идентичности. В этот момент очень важно продолжать политический диалог между центром и периферией, различными государственными и экклезиальными (то есть принадлежащими к церковной иерархии) институциями, группами жителей, исследователями и др. о том, что нужно сделать для признания и развития региональной идентичности Латгальского региона. Ведь именно это будет стабильной основой для сохранения культурной среды этого региона, его экономической стабильности и преодоления отчуждения в будущем.

Литература

- Beyer 1994 – *Beyer P.* Religion and globalization. London, 1994.
- Smith, Wistrich 2007 – *Smith D., Wistrich E.* Collective Identities in a Changing World // Regional identity and diversity in Europe. Experience in Wales, Silesia and Flanders. London, 2007.
- Gellner 1997 – *Gellner E.* Nationalism. NY, 1997.
- Kaplan, Herb 1999 – *Kaplan D., Herb G.* Introduction: A Question of Identity // Nested identities. Nationalism, territory and scale. Oxford, 1999.
- Katz, Mahoney 2008 – *Katz W., Mahoney T.* Introduction. Regionalism and the Humanities: Decline or Revival? // Regionalism and Humanities. Lincoln; London, 2008.
- Wilfred 2000 – *Wilfred F.* Identity: Suppressed, Alienated, Lost // Creating Identities, Concilium. London, 2000. №2.
- Batt, Wolczuk 2002 – *Batt J., Wolczuk K.* Region, State and Identity in Central and Eastern Europe. London, 2002.
- Zeile 1996 – *Zeile P.* Latgales kultūras vēsture. Programma-konspēkts. Rēzekne, 1996.